

Виталий Каплан Иной среди Иных

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135893
Иной среди Иных: Повесть.: Нукея; Москва; 2012
ISBN 978-5-91761-122-8*

Аннотация

Испокон веков Свет и Тьма противостоят друг другу. Воины, участвующие в этой битве, Иные, не такие, как мы: их силы велики. Но один из них не принимает своих способностей и стремится остаться человеком, хотя мир вокруг требует другого.

Он Иной и он человек, он будет сражаться с силами мрака, и он будет сражаться с собой.

Как проживет герой со своим даром? Какой путь выберет и есть ли у него выбор? В книге показана одна из самых драматических ситуаций – борьба человека с собственной природой.

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви.

Содержание

Дорогой читатель!	4
Иные ценности. Предисловие	5
Иной среди Иных	6
1	6
2	9
3	12
4	17
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виталий Маркович Каплан

Иной среди Иных

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства "Никея".

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Иные ценности. Предисловие

Любой писатель, создавая новый фантастический мир, сталкивается с проблемой соотношения реальности и фантазии, законов существования придуманного мира и законов настоящей жизни. Часто именно в этом столкновении и состоит художественная задача автора – показать, что будет, когда в дремوتной сельской Англии появится человек-невидимка, или как начнет функционировать Институт Чародейства и Волшебства в структуре советской Академии наук шестидесятых годов прошлого века.

Но часть вопросов все равно остаются незадаанными и неотвеченными. К примеру, мы совершенно не в курсе, как курировал НИИЧАВО могучий КГБ или выдавали ли сотрудникам Отдела Смысла Жизни молоко за вредность. Какие-то вопросы авторов просто не волнуют... а какие-то они вынуждены оставлять в стороне по причинам внешнего или внутреннего характера.

Когда я писал «Ночной Дозор», я сознательно «вывел за скобки» всю религиозную составляющую нашей жизни. С точки зрения атеиста или агностика – волшебство и религия похожи, святые – это кто-то вроде магов. Ошибка, конечно, очень смешная. Здесь невольно вспоминается замечательный рассказ Честертона, где патер Браун блистательно раскрывает преступления именно потому, что священники – не суеверны и не верят в магию. На самом же деле трудно найти что-то более перпендикулярное и противоречащее друг другу, чем магия и вера. Это и заставило меня убрать из серии «Дозоров» все вопросы взаимоотношения Веры и Магии. К тому же я чувствовал, что моего понимания этого конфликта может быть недостаточно для убедительности текста.

Виталий Каплан, напротив, решился посмотреть на фэнтезийную реальность «Дозоров» с этой стороны. И сделать героем человека, искренне верующего и потому не приемлющего собственную «иную» природу. Магические силы не нужны ему ни для личного счастья или комфорта, ни для благодетельствования окружающих, ни даже для восстановления справедливости... ибо в любом случае цена для него слишком высока.

И при всем при том отказ от непрошенных возможностей тоже невозможен... или почти невозможен.

Человек, оказавшийся в этически безвыходной ситуации, – одна из самых интересных задач в литературе. И мне кажется, что эта задача в книге решена.

Даже если этот человек – Иной.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Иной среди Иных

1

Уснуť в троллейбусе – такого с ним ещё не было.

И ладно бы за полночь, добираясь на последнем, случайном, – так нет же, в пять вечера, не особенно и устав. День как день – уроки, методобъединение, подготовка викторины с шестью классами. Странно.

Странности сегодня вообще лепились одна к одной. Час пик – а двадцать второй троллейбус пришёл почти пустым. Необъяснимо изменилась и погода – вопреки прогнозам синоптиков, натянуло откуда-то сизых облаков, запахло в воздухе близкими дождями. Вот тебе и бабье лето!

Дмитрий сидел, прислонясь к окошку, тяжёлую (три пачки контрольных тетрадей) сумку он пристроил слева, всё равно некому было покуситься на полметра кожаного сиденья.

Москва не хотела расставаться с летом – пускай даже и с таким неласково-мокрым. Зелень листвы ещё не окрасилась желтизной, газоны пестрели цветами, рекламные плакаты обещали фантастические скидки на летних распродажах. Две недели сентябрь притворялся июлем, маскировался солнышком и температурой за двадцать. Но сейчас, видимо, решил взять своё. Свистнул хулиганистыми ветрами, развесил тучи и приготовился к боевым действиям.

Действительно, вдали гроыхнуло. Пока ещё осторожно, словно примеряясь, но по всему было видно, что от слов погода перейдёт к делу.

Жалко, если это всерьёз и надолго. В пятницу после уроков гимназия собиралась на турслёт, с ночёвкой в лесу. Дмитрий уже договорился насчёт недостающих палаток и спальных, составил с детьми раскладку продуктов, даже сумел убедить нескольких особо нервных мам, что их драгоценные отпрыски ничего себе не отморозят, что ни волки, ни медведи, ни энцефалитные клещи не покусятся на отравленное алгеброй и литературой детское мясо, и вообще ничего такого («Ну, вы же понимаете, Дмитрий Александрович! У них ведь опасный возраст!») не случится. С этими мамами Дмитрий мучился уже второй год и каждый раз напоминал себе о необходимости смириться. Удавалось так себе.

Обидно, если сезон дождей сорвёт все планы. Дети всерьёз настроились на поход, на костры, палатки и канатную переправу. Конечно, человек лишь предполагает, а располагает Господь, но объяснять девятиклассникам эти банальности – как-то скучновато.

Единственный плюс в таком раскладе – можно будет побыть дома, со своими. Сходить куда-нибудь с Аней – из-за отпуска и дачи у них давно уже не получалось выбираться вместе. Опробовать с Сашкой свежеподаренный конструктор – не дурацкие современные наборы «собери себе монстра», а почти такой же, какой двадцать с лишним лет назад был у самого Дмитрия. Из которого можно собирать всё что угодно – хватило бы фантазии и терпения.

Молния сверкнула внезапно. Казалось, сразу отовсюду. И тут же троллейбус затопила серая, вязкая тишина. Секунда, вторая, третья... Полагалось быть грому, но гром где-то завис. А в салоне сделалось вдруг темно – не ночь, а зябкие сумерки. Предметы разом потеряли цвета, острые грани разгладились, расстояния необъяснимо удлинились.

– Здравствуйте, Дмитрий Александрович, – раздалось слева. Вместо сумки с тетрадями (и куда делась?) обнаружился высокий худощавый мужчина. Если и старше Дмитрия, то ненамного. – Нам бы надо поговорить. Я понимаю, вы удивлены, но это нормальная реакция.

Выглядел незнакомец вполне интеллигентно – аккуратная причёска, очки в дымчатой оправе, неброский, но и явно не ширпотребовский костюм.

– Простите! – Дмитрий сам не узнал своего голоса. Горло пересохло, будто он неделю блуждал в пустыне. – Вы... Вы как тут оказались? Пусто же было!

– Мы и этого коснёмся, – покладисто ответил незнакомец. – Сейчас я вам всё объясню. Меня зовут Антон...

– Очень приятно, – на автопилоте кивнул Дмитрий. – Но, по-моему, мы с вами не знакомы.

– Верно, – согласился Антон. – Вот, кстати, и познакомимся. Времени у нас будет вполне достаточно, гром грянет ещё очень нескоро. Но морально приготовьтесь, вам придётся услышать вещи, которые поначалу могут шокировать... даже, наверное, напугать. Дело в том, что вы – Иной.

Слово это прозвучало так, что сразу стало ясно: здесь оно существительное.

– Вы – не совсем обычный человек, – выдержав секундную паузу, мягко заговорил Антон. – Вернее даже сказать, не совсем человек. Я, кстати, тоже. Понимаете, есть на Земле люди, их подавляющее большинство. Но есть и мы, Иные...

Вот тут Дмитрию и стало ясно – это сон. Нелепый, глупый сон в пять часов дня, в двадцать втором троллейбусе, посреди первой сентябрьской грозы. Потому что наяву такого просто не могло быть.

И как же теперь проснуться? Щипать себя за мочку уха? И тогда тебе приснится, что ты проснулся? Как там у Пастернака? «Силится проснуться – и впадает в сон»?

– Это сон! – громко и раздельно произнёс Дмитрий, словно в классе, диктуя определение биссектрисы угла. – Это просто сон, и сейчас я проснусь.

– Знаете, – доверительно поведал незнакомец, – когда в своё время ко мне вот так же пришли, я тоже счёл это сном. Совершенно стандартная реакция. Вы постарайтесь успокоиться. Вы не спите. Всё на самом деле, без шуток.

Ах, вот как? Неприятный холодок проскользнул по спине. Может, и вправду не сон? Бывают вещи похуже сна. То, о чём до сей поры приходилось лишь читать. Но вдруг это действительно случилось? Именно с ним?

Дмитрий резко встал. Вернее, попытался встать – помешала сумка, почему-то оказавшаяся у него на коленях. Но всё же он немного приподнялся, усилием воли подавил дрожь в голосе и произнёс:

– «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его. И да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко да исчезает дым, да исчезнут. Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...»

Антон не расточился яко дым. С жалостью поглядев на Дмитрия, он сказал:

– Ох, наверное, я поторопился. Пожалуй, Дмитрий Александрович, вы ещё не готовы к разговору. Ладно, я тогда откланяюсь. Но мы с вами обязательно ещё встретимся и поговорим по-человечески. То есть по-иному... Ну, в общем, нормально поговорим, без истерик, хорошо?

И разом вернулись краски, серость куда-то утянулась, громыхнуло так, что зазвенело в ушах. Сейчас же ударил в стёкла крупный, дождавшийся своего часа дождь, задолбил по крыше троллейбуса, мигом намочил асфальт.

Оказалось, что не так уж в салоне и безлюдно. Зашевелились пассажиры, кто-то удивлённо присвистнул, кто-то засмеялся, пухлая старушка сетовала, что вышла из дому без зонта и как же ей теперь.

А вот Антона не было и в помине. Даже сиденье оказалось ничуть не примято. Значит, всё-таки сон, облегчённо решил Дмитрий. Пускай уж лучше это будет сном. Ещё не хватало ему с духами общаться! Немедленно вспомнились грозные предостережения святителя Игнатия. А ещё всплыло в голове склизкое словечко «шизофрения». Вот только этого ему не хватало!

Дмитрий подхватил свою сумку и выскочил из дверей на первой же остановке, став добычей холодного дождя. Ничего, лучше уж охладиться. Лучше пешком прогуляться, лишь бы кошмар остался позади. Господи! Ну сделай так, чтобы ничего этого не было! Или пусть это окажется сном! Просто сном!

2

Да, за лето они, конечно, всё забыли. Первая же самостоятельная по алгебре – и восемь двоек. Теперь вот часовая стрелка лениво ползла к четырём, а жертвы летних удовольствий старательно напрягали мозги – переписывали. В этом отношении Дмитрий был либералом – в журнал плохие отметки проставлять не спешил, давал неделю на реабилитацию, но итоговую оценку всё-таки снижал на балл. Чтобы жизнь мёдом не казалась.

Судя по огорчённым физиономиям «переписчиков», она им казалась дёгтем. Густым и чёрным. Дмитрий вот уже третий год работал здесь и не переставал удивляться. Ну прямо оазис какой-то, островок девятнадцатого века в кислотном океане двадцать первого. Дети учатся! Более того, дети хотят учиться! И не только из-за родительских понуканий.

Гимназия, конечно, хорошая. Дело даже не в том, что православная. Не только в том. Три года назад, решив выползти из трясины массовой школы, он насмотрелся разного. Статус «православности» нередко оборачивался пшиком. Рассадники лицемерия, как откровенно признался ему один знакомый батюшка. Ролевая игра в девятнадцатый век, да и то с каждым годом всё халтурнее.

Здесь было иначе. Как-то проще, по-домашнему. Монастырских порядков не заводили, напрасной муштрой не мучили. Требования, конечно, были строгие – но не строже, чем в иных, совершенно светских местах.

Директрисе Марине Павловне удавалось лавировать между Харибдой жёсткости и Сциллой вседозволенности. Пока, во всяком случае, удавалось. Да и учителя подобрались что надо. Некоторым, правда, не хватало профессионализма, но зато они действительно любили детей и действительно знали свой предмет.

– Ну что ж, дамы и господа, – глянув на часы, оборвал тишину Дмитрий. – Время истекло, пора сдавать работы. Надеюсь, подписать их не забыли?

Как всегда в таких случаях, страдалцы выпрашивали ещё минуточку, «вот только дописать ответ». В конце концов листочки возлегли на учительском столе неровной стопкой, а подрастающее поколение шумно вытекало из класса. Не забывая, однако, попрощаться. В массовой школе – вещь из области ненаучной фантастики. А здесь – в порядке вещей.

Дмитрий не стал сразу же проверять работы. Это вечером, в тихой обстановке. Если, конечно, шестилетний Сашка уткнётся в сказки, а не станет носиться по квартире, изображая Маугли и Кинг-Конга в одном флаконе.

Сейчас предстояла куда менее приятная штука – поурочные планы на всю четверть. Параллель шестых, параллель девятых. Жуть! Тупая писанина, но ведь не отвертишься. Департамент бдит, департаменту частная, а уж тем более православная школа – как заноза в известном месте, им только дай повод – укусят радостно.

Спустя полчаса Дмитрий оторвался от скучных бумаг. И обнаружил, что в классе он не один. Максим Ткачёв, новенький ученик из его девятого «А», оказывается, не ушёл с остальными «переписчиками», а тихо сидел на задней парте и что-то сосредоточенно читал.

– Ты чего, Максим? Результатов ждёшь? Так я же сказал, завтра будут. Сейчас, извини, другие дела.

Максим приподнял голову, оторвавшись от книги.

– Нет, Дмитрий Александрович, я просто хотел спросить... Я не понял сегодня вот эту задачу, на геометрии. Где надо по теореме про внешний и внутренний угол на круге... Нам в старой школе этого, кажется, не давали...

– На окружности, – механически поправил Дмитрий. – Смотри, это вот как делается... – Он вышел к доске, взял мел. – Строим два треугольника, один в другом...

– И так просто? – спустя пару минут захлопал глазами Максим.

– Ну да... Математика вообще штука простая, если её не усложнять специально. А чего же ты полчаса сидел, не решался спросить?

– Да я как-то... – замялся Максим. – Я хотел спросить, а потом вижу, вы заняты, решил пока почитать... ну и увлёкся. Извините.

Это было на него похоже. За две недели Дмитрий уже заметил, что мальчик читает везде и всюду. На уроках (был потом тягостный разговор с пожилой учительницей географии), на переменах (не раз на него, сидящего на подоконнике с книгой, натыкались со всей дури несущиеся старшеклассники), даже в школьной столовой (увлёкшись чтением, он однажды чисто механически выпил чужой компот, над чем долго потешались окружающие дети).

Вообще своеобразный был мальчик. В чём-то не по годам развитый, а в чём-то – суший младенец. Экзамены в гимназию выдержал с завидной лёгкостью. То, что ребёнок неверующий, директрису не особо напрягло, не первый случай. Главное, – внушала его маме Марина Павловна, – чтобы это не создало мальчику сложностей в общении.

Не создало. Максим прекрасно вписался в коллектив, умудряясь при этом оставаться самим собой. Нашёл свою социальную нишу.

– И что на сей раз? – поинтересовался Дмитрий.

– Да вот. – Максим протянул ему пухлую книгу в ядовито-глянцевой обложке.

«Тайное среди нас. Экстрасенсорика в теории и на практике». Творение некоего господина Ласточкина, действительного члена некой Академии Белой Изотерики.

Дмитрий скривился, будто от незрелой смородины.

– И что, увлекательное чтение? – спросил он сухо.

Максим пожал плечами.

– Вполне. Тут такие случаи описаны, которые наукой ну никак не объясняются. А факт, что на самом деле бывают. Ну, ясновидение там, телекинез, исцеление безнадежных больных. А вы, Дмитрий Александрович, не верите в это?

Дмитрий выдержал паузу. Неясно было, как строить разговор. Своему, православному, он легко бы разложил всё по полочкам, но здесь явно не тот случай. Нет у него в голове этих полочек... Но и отмолчаться нельзя.

– Видишь ли, Максим, – начал он осторожно, – боюсь, у нас тут мнения не совпадут. Я православный христианин, из этого и исхожу... Верю ли я в такие случаи, как тут описаны? – Он скосил глаза на полкило оккультины. – Возможно, не всё тут и шарлатанство. Есть такие факты, да. Весь вопрос в их происхождении. Чудеса бывают или от Бога, или от нечистого, других вариантов нет. Только вот если это от Бога, то оно и видно. Например, монах, пребывающий десятки лет в аскетическом подвиге, получает благодать исцеления или прозорливости... Но такое случается редко, Господь не раздаёт эти дары направо и налево. А вот куда чаще от подобных чудес пахнет серой...

Максим прищурился.

– То есть вы считаете, что если это не у православного монаха, то обязательно от дьявола? А если это просто какие-то законы природы... не изученные пока?

– Знаешь, – протянул Дмитрий, – я тоже в своё время об этом читал. Но слишком уж часто такие способности плохо кончаются. Для их обладателя. Или человек с ума сходит, или самоубийство, или там явная одержимость бесами. Интересные законы природы, не находишь? С завидным постоянством ведущие человека к гибели, и телесной, и духовной. Нет, дорогой, тут уж явно видна чья-то сознательная воля. И притом весьма злая.

– Что же получается? – как-то очень уж по-детски спросил Максим. – Вот, например, тут про одного человека написано, он рак лечит, наложением рук. Кучу народа вылечил, и бесплатно. Всем хорошо. А это, выходит, от дьявола всё? А зачем дьяволу, чтобы люди исцелялись?

Дмитрий едва не застонал. Ну как объяснить этому пацану такие сложные вещи? Не читать же курс догматического богословия! А в двух словах как скажешь?

– Дьявол хитёр. Не думай, что главная его цель – это мелко пакостить. Он губит не тела, а души. И если исцеление связано с поклонением дьяволу... пускай даже не напрямую, пускай косвенно... Всё равно ведь этот исцелённый когда-нибудь умрёт, но тогда уж ему забронирован номер в аду.

– А если не связано? – не сдавался Максим. – Может, человек, который исцеляет, тоже верующий? Может, он тоже в церковь ходит и молится? Тут и про таких написано. Всё равно, по-вашему, это происки сатаны?

Дмитрий вздохнул. Те же самые вопросы задавал и он сам... больше десяти лет назад, ещё до крещения. Книжки, что ли, пацану подкинуть? А вдруг его мама сочтёт это «вербовкой в православие», насилием над «свободой совести»? Впрочем, сомнительно. Тётка толковая, да и понимала, куда сына отдаёт. Даже не настаивала, чтобы Максима освободили от дополнительных предметов – церковнославянского языка, занятий по истории Церкви, изучения богослужебного устава. Для общего развития полезно, согласилась она ещё в том, первом разговоре, при зачислении. Пускай посещает.

– Максим, ну пойми... Ты думаешь над этими вопросами пару часов... ну, может, несколько дней. А Церковь уже две тысячи лет с ними сталкивается. Ну вот есть такое понятие, как церковное предание. Как бы отфильтрованный духовный опыт. А из предания известно, как ловко сатана и его слуги умеют притворяться. Колдуны могут и в храм ходить, и к иконам прикладываться. Вопрос, с какими целями. Тут надо быть очень осторожным. Мало ли что человек сам о себе говорит. Верует ли он на самом деле, с ходу и не поймёшь. Это ж только в дешёвых триллерах колдуна обжигает святая вода или отгоняет крест. А в реальной жизни всё куда сложнее.

Максим опустил глаза.

– Значит, – сказал он тихо, – вы любого человека, который что-нибудь такое умеет, считаете колдуном? Извините.

Разговор, похоже, поворачивал на второй круг.

– Ну, – задумчиво протянул Дмитрий, – возможны ведь всякие переходные случаи. Только всё равно в итоге человеку придётся выбирать. Или он с Богом, или с дьяволом. К сожалению, эти экстрасенсы и маги чаще всего выбирают последнее. Ты пойми, Максимка, я же не навязываю тебе православный взгляд на эти вещи. Ты спросил, я ответил. А что правильнее, как у нас или как здесь, – ткнул он пальцем в гляцевую обложку, – решай сам.

– Ладно, – вздохнул Максим, засовывая книгу в свой рюкзачок. – Интересно поговорили, спасибо вам. И за теорему тоже спасибо. Она, оказывается, красивая...

3

Пламя, лишённое дровяного корма, давно уже отгорело, но малиновые угли тускло светились в темноте, и плыл от них обволакивающий жар. Дмитрий не стал подкидывать свежих дров. Наутро понадобятся, когда придёт пора готовить завтрак. А сейчас можно посидеть и так, переводя взгляд с догорающего костра на истыканное острыми булавками звёзд небо.

Погода не подкачала. Пролившийся в среду дождь оказался случайностью, нелепостью, бабье лето шло уверенной бабьей поступью. Днём доходило до двадцати трёх, да и сейчас, в полпервого ночи, тепло было не только возле костра. К утру, понятное дело, сильно похолодает, тогда можно и в палатку уползти. А пока он сидел на бревне, дежурил. Подмосковье – это, конечно, не сельва, но чужих и тут не все любят. От станции они отошли километров на пять, но всё равно стоило остерегаться визита местной молодёжи. Во всяком случае, лучше подстраховаться. Дмитрий, правда, и сам не знал, что сможет сделать с пьяной шпаной. Суровую школу жизни – армию, – он прошёл заочно, мордобойными искусствами сроду не увлекался и кочергу, в отличие от иных героев, узлом бы не завязал. Оставалось уповать на Божью помощь и теорию вероятностей.

Пока везло. И в набитую дачниками электричку влезли без особых сложностей, и до места дошли вполне бодро. Ребятишки, правда, по большей части оказались непривычны к походному быту, но правильная организация стоила опыта. Марина Павловна мигом мобилизовала девчонок на ревизию продуктов и готовку ужина, Дмитрий, пресекая поползновения мальчишек побеситься на травке, пошёл с ними за дровами. Палатками занимались десятиклассники под присмотром историка Юрия Николаевича.

И как-то легко и быстро всё устроилось. Сварили вкусную гречневую кашу, по случаю пятничного поста одобрили её рыбными консервами. В чай кинули несколько горстей малины (надо же – оставалась ещё в лесу!). После ужина прочитали вечерние молитвы, а потом долго сидели у костра, пели песни. Дмитрий сделал для себя открытие – директриса, оказывается, прекрасно владела гитарой. А на вид – суховатая, даже чопорная дама. Юрий Николаевич хорошо поставленным баритоном (ещё бы, шесть лет за клиросом) пел старинные русские песни, по большей части мало кому известные. Лариса Игоревна, биологичка, в своём репертуаре предпочитала бардовскую классику. Возможно, ребятам и хотелось чего-то посовременнее, но никто из них не отважился перехватить инструмент.

И вот сейчас все спали, разморённые лесным кислородом, усталостью и впечатлениями. Лишь изредка кто-то выбирался из палатки и с понятными целями бежал в заросли.

Всё-таки повезло ему с работой... Да, платят здесь куда меньше, чем в иных престижных заведениях, но это можно добрать частными уроками, лечением помирающих компьютеров и разными случайными халтурками. Зато чувствуешь – ты на своём месте. На острове... В оазисе. Значит, не всё ещё здесь погибло, истлело и выгорело. Вот этим ребятишкам – им и возродить Россию. Которая всё-таки будет Третьим Римом, а не каким там по счёту Вавилоном. И тогда...

Он резко дёрнулся, сообразив, что сзади его тронули за плечо. Дежурный называется! Этак собственную смерть проспичь.

Угли почти не давали света, но его недостаток восполняла восходящая луна – круглая и оранжевая, как спелый апельсин.

– Дмитрий Александрович! – Тонкая фигура Максима вылепилась из темноты. – Вы извините, что я вас разбудил. Но понимаете, там... – Мальчишка вытянул руку в сторону деревьев. – По-моему, там что-то такое... что-то есть.

– Что? Ты о чём? – Дмитрий окончательно стряхнул с себя паутину сна. – Ещё раз, пожалуйста, и внятнее.

Максим примостился рядом на бревне. Волосы его были встрёпаны, а на голых плечах высыпали мурашки. Как-то сразу стало ясно, что парень испуган, но старается держать себя в руках.

– Ну просто... Ну мне понадобилось, понимаете...

Дмитрий про себя усмехнулся. Надо же, как далеко простирается его интеллигентность. Нет чтобы сказать «сходил отлить». Эвфемизмы. И впрямь – оазис на острове.

– Ну и вот... – напряжённо шепнул Максим. – Я подальше отошёл, и когда закончил – чувствую, там кто-то шевелится, в кустах. Кто-то большой. И запах... ну, странный какой-то запах. Я чуть поближе – а оттуда глаза, из кустов. Жёлтые такие. Честное слово, мне не показалось.

У Дмитрия неприятно заныло в желудке. Что ж, следовало ожидать – слишком гладко всё с самого начала шло. Может, Максиму просто кошмарный сон приснился? В процессе отлива? Не хотелось углубляться в тему кошмарных снов... сразу всплыла в памяти та гроза... и залитый серыми сумерками салон троллейбуса...

– Что ж, надо сходить. Посмотрим, что за чудо-юдо. Пойдём, покажешь.

А что ещё оставалось? Будить коллег? Запустить вирус паники? Но ничего не делать тоже нельзя. Хотя тут и не сельва... а всякое бывает.

Он на всякий случай взял топор. Придаёт уверенности.

– Направление-то помнишь?

Максим молча кивнул.

– Не замерзнешь так-то? Может, сходишь в палатку, накинешь чего?

– Да ладно! – Мальчишка передёрнул плечами. – Не зима ведь. Пойдёмте. У меня фонарик есть, – добавил он.

Деревья бесшумно сомкнулись за их спинами. Ночной лес, оказывается, полон был звуков. Прерывистые птичьи голоса, треск сучьев под ногами, шелестящий листвой ветерок. И ещё что-то непонятное.

Дорога оказалась долгой. Свет луны почти не пробивался сквозь ветви елей, и без фонарика им бы пришлось туго. Но тусклое жёлтое пятно всё же помогало ориентироваться. Несколько раз они повернули, дважды перелезали через поваленные стволы.

– Далеко же ты забрался, – проворчал Дмитрий. И как этот сверхинтеллигентный ребёнок умудрился запомнить дорогу? Тем более, что мама его жаловалась на абсолютный, как она выразилась, «топографический кретинизм» сына. «Он даже в метро умудряется заблудиться!» Видать, лес всё же попроще. Или тут нет мамы с её гиперопекой.

– Кажется, здесь! – Максим остановился возле огромной ели, сломанной у основания ствола. – Чувствуете?

Дмитрий почувствовал. Вновь заныло в желудке, и ледяная струйка стекла между лопаток. Кто-то здесь определённо был. Кто-то спокойно и вместе с тем заинтересованно наблюдал за ними. Сперва Дмитрию показалось, будто шевелятся высокие кусты малины. Потом он понял свою ошибку. Не движение – а взгляд. Странный, холодный взгляд – причём со всех сторон одновременно. И ещё – запах. Вроде и не явная вонь – но что-то гаденько-склизкое, вызывающее ассоциации с помойным ведром.

– Кто здесь? – сдавленным голосом прошипел он и изо всей силы сдвинул топориче.

Ответа не последовало – если не считать ответом глухое, на пределе слышимости, рычание. Если бы миллион мух жужжали строго в унисон – пожалуй, получилось бы похоже.

А спустя мгновение сзади раздался лёгкий шорох. Дмитрий резко обернулся. Максим последовал его примеру – и луч фонаря высветлил из плотной тьмы фигуру.

– Ни фиги себе... – вырвалось у Дмитрия.

Такого зверя ему ещё не доводилось видеть. Даже в зоопарке. Его можно было бы счесть волком – но размеры! Такие размеры приличествуют медведю – и не из самых мелких. Задние лапы значительно длиннее передних, острые уши скошены назад. И морда – не по-волчьи и уж тем более не по-медвежьи вытянута, едва ли не на полметра вперёд. Скорее уж щучья пасть – если представить себе мохнатую щуку на четырёх лапах и весом с тонну.

– Максим! – одними губами прошипел он, – быстро назад! В лагерь! Поднимай всех!

– Я с вами, Дмитрий Александрович! – Парень, оказывается, подобрал уже какую-то обломанную ветку, в первом приближении смахивающую на дубину. Смех сквозь слёзы.

– Ты что, не понял? Погеройствоваться захотелось? Живо в лагерь, там же мелкие! Пусть снимаются! Пусть по мобильному куда-нибудь позвонят!

– Куда? – горько скривился Максим. – В милицию? Или сразу в зоопарк?

– Хватит болтать! А ну пошёл!

Дмитрий сунул мальчишке в руку фонарик – и уже не глядел за спину. Гораздо важнее было то, что впереди.

Странно, почему зверюга не нападала. Стояла в пяти шагах, утробно рычала, посверкивая жёлто-зелёными глазами. Фонаря больше не было, но лунный диск наконец-то нашёл себе лазейку в переплетении крон – и сейчас равнодушно заливал прогалину.

В лунном свете тварь казалась ещё крупнее. Короткая, видимо, жёсткая шерсть, какого цвета – не разобрать. Мощные лапы, а уж когти... одним таким когтем можно перевернуть Землю... или по крайней мере разодрать человеку горло.

А зверь ли это? Может, опять сон? Чушь, не бывает таких снов... И что теперь делать?

Собравшись внутренне, он сотворил крестное знамение, негромко произнёс: «Взбранной воеводе победительная...» Тварь, как он этого и боялся, не растворилась в ночном воздухе. Даже острым ухом не повела.

– Господи, ну сделай же что-нибудь! – мысленно простонал Дмитрий и осторожно обернулся. К счастью, пацана уже не было. Значит, скоро поднимется переполох. А что они смогут, если зверь направится напрямик туда, на опушку... где так много сочного детского мяса? Куда позвонят? Да кто им вообще поверит? И всё-таки... Всё-таки хоть какой-то шанс у них есть... если только протянуть время... как можно дольше задержать чудовище.

Интересно, хватит ли его хотя бы на минуту?

– Уходи! – твёрдо произнёс он, поднимая руку с топором. Толку-то... Будь у него горящая головня... тогда, быть может... звери боятся огня. Должны, во всяком случае, бояться. Если это нормальные звери.

Тварь не выглядела нормальной. Было в ней что-то странное... не звериное. Какой-то холодный и, пожалуй, издевательский интерес. Казалось, она считывала все мысли Дмитрия и откровенно наслаждалась его страхом. Сама же нисколько не боялась. В самом деле, чего бояться астенического телосложения интеллигента? Пускай даже и с топором. Вот сейчас откроет пасть, живенько оттяпает руку по локоть... но вряд ли начнёт пиршество. Её ждёт другая, более вкусная еда. Много еды. Найдёт по запаху... А он, Дмитрий Осокин, вполне вероятно, и выживет. Только что это будет за жизнь? Если каждую минуту помнить... сорок два ребёнка... и он ничего не смог сделать.

Так нельзя.

– Уходи, сволочь! – Ноги сделались ватными, но он всё-таки сумел сделать шаг вперёд. Два шага...

Зверь потянулся, фыркнул – и разинул пасть.

Луна отразилась на мощных и удивительно белых, словно блендамедом начищенных клыках. И пахло гнилью.

Невозможно было двинуться вперёд. Голову стягивал невидимый обруч, одуряюще звенело в ушах. А тень его, острая, изломанная тень учителя математики, кривлялась на слежавшейся хвое... намекала на что-то. На что-то тайное, известное лишь им двоим.

Дмитрий сделал ещё один шаг... мелкий, старческий шажок... и чёрная тень из-под ног метнулась к нему, обняла, облизала холодом потную кожу.

И мир, повернувшись вокруг тайной оси, сделался иным. Серая мгла затопила пространство, но в ней вполне можно было видеть, не хуже, чем в лунном свете. А вот все лесные звуки исчезли, только где-то далеко-далеко, у невидимого горизонта, то ли слышался, то ли чудился рокот – будто гроза или морской прибой.

Но тварь ждала его и здесь. Она лишь выросла... Господи, да это уже и не медведь! Это просто слон какой-то. Мерзость, клыкастая, безжалостная мерзость! Сейчас она раздавит его – и помчится по лесной тропинке в лагерь, где уже, наверное, суетятся взрослые... и дети... которые уже никогда не получают четвертных оценок...

Что-то изменилось в нём самом. Жаркое облако обожгло щеки, сдавило грудь. И растаял в этом облаке страх, переплавляясь в гнев – багрово светящийся, как только что выкованный клинок. Да это и был клинок – длинный, прямой, расширяющийся к острию.

– Исчезни! – прошептал он одними губами и поднял меч. Не руками – правая по-прежнему сжимала бесполезный топор, левую свело судорогой. Просто оружие, послушное его воле, само собой поплыло вперёд.

До твари, казалось, было не больше метра – но почему-то это расстояние растянулось бесконечной рулеткой, и медленно плыл в сером тумане клинок, целя остриём между глаз чудовища – здесь, в этой изнанке жизни, тоже серых.

– Пресвятая Богородица, спаси нас! – только и нашёлся что сказать Дмитрий, и тут же замедленное время рванулось, набирая потерянную скорость. Меч плавно вонзился в морду зверя, вошёл по самую рукоять.

Под ногами дрогнуло, желудок скрутило тошнотой – и Дмитрий понял, что падает. То ли вниз, то ли вверх – все направления перепутались.

Сперва он почувствовал запахи. Прелой листвы, сырости, грибов. Потом вернулись звуки – верещали в кустах птицы, скрипели под ветром кроны деревьев, трещали где-то вдали сучки. Бежит кто-то?

Он приподнялся на локте, открыл глаза.

Не было уже никакой серости, вокруг висела обычная сентябрьская ночь. И луна по-прежнему торчала на прежнем месте, хмурила недовольную рожицу. Видимо, всё ей надоело.

Топор обнаружился в мокрой от росы траве. А вот чудовища больше не было. Совсем – яко дым да исчезло.

Или не совсем? Дмитрий поднялся на ноги, огляделся. В ушах всё ещё звенело, перед глазами плавали прозрачные пузырьки – но он уже мог двигаться.

Хвойная подстилка, где совсем недавно стояла тварь, была примята. И более того – отпечатались на ней следы. Невозможные, безумные.

Так что же – не сон, не бред? Дмитрий подобрал топор, прислушался. Какие-то звуки всё же доносились – издали, на пределе слышимости. Но уж рубить так рубить...

Он поискал глазами тропинку – да, кажется, направление верное. И медленно, то и дело оглядываясь, двинулся вперёд.

Не так уж долго пришлось идти. Сперва слышались голоса, потом потянуло дымком и мелькнуло за деревьями рыжее пламя.

Дмитрий вышел на поляну. Палатка, сложенные прямым углом брёвна, расстеленный на земле полиэтилен – а на нём закуски, недопитая бутылка водки «Флагман» и рядом несколько пустых, из-под пива.

Ну и люди ещё. Двое мужиков, на вид изрядно за сорок, и здоровенный, коротко стриженный парень призывного возраста. Почему-то завернутый в одеяло. А лицо его... Лицо прямо-таки излучало горе. Ни с чем не сравнимое, беспредельное. То ли девушку у него отбили, то ли мужское достоинство.

– Доброй ночи! – сухо произнёс один из старших, подкинув веток в костёр. – Проблемы какие?

– Да нет, – замялся Дмитрий. Ему казалось, будто из страшной сказки он угодил в пошлый анекдот. – Просто у нас тут недалеко дети спят, школьников в поход вывели, так что просьба не шуметь. Договорились?

– Об чём базар? – кивнул второй дядька. – Всё будет цивилизованно. Чики-поки.

– Ну и славно! Спокойной ночи! – Дмитрий повернулся, высматривая тропинку. Луна исправно светила, точно чувствовала некую вину и потому старалась улучшить о себе мнение.

И уже отойдя на десяток шагов, он обернулся. Стриженный парень смотрел ему вслед. Пристально, не мигая... без всякого выражения.

Обратный путь оказался неожиданно коротким. Видимо, страх удваивает расстояния. Теперь, когда всё кончилось, и тропинка была прямой, и ветки не лезли в глаза, и нужные повороты он нашёл без проблем. Вот и опушка. Что же сейчас творится в лагере! Он заранее поёжился. И что ему сказать? Правду? Этак ведь и психом сочтут.

Но говорить ничего не пришлось. Тёмные силуэты палаток хранили спокойствие, угли костра совсем уже догорели, и никто не метался, не причитал, не вызванивал по мобильнику службу спасения.

Неужели Максим, поганец, так никому ничего и не сказал?

– Дмитрий Александрович, вы как, в порядке? – послышалось справа.

Максим сидел на бревне, с головой закутавшись в куртку.

– Я тебе что велел? – сухо поинтересовался Дмитрий. – Почему тревогу не поднял?

– А смысл? – откликнулся Максим. – Всё равно без толку, если б этот зверь сюда прибежал. Вы подумайте, сколько времени надо, чтобы всё рассказать, чтобы мне поверили, чтобы проснулись, оделись, ушли... в темноте, между прочим. Поэтому я и не пошёл никуда, а спрятался. И за вами смотрел. Ну, помочь, если что.

– Трухлявой палкой? – усмехнулся Дмитрий. – Ладно, и что же ты увидел?

Максим поёжился.

– Ну, вы стояли напротив этого... животного... Что-то говорили ему... Мне показалось, что вы ругались. Извините. А потом вы подошли к нему близко... и оно куда-то делось. Ну вот было – и не стало его, совсем. Не убежало, а просто... я даже не знаю, как сказать. Будто растаяло. А вы упали на землю, потом встали и куда-то пошли. Я подумал, что вам... ну это... в общем, нужно... Вы извините. Я за вами ходить уж не стал, решил здесь дожждаться. Я не прав, да?

– Сложный вопрос... – Дмитрий взлохматил его и без того встрёпанные волосы. – Ладно, беги спать. И знаешь... наверное, лучше никому об этом не рассказывать. Будем считать, что нам обоим приснилось.

Но сам он чем дальше, тем больше в этом сомневался.

4

После тёщиных котлет неудержимо потянуло на диван. Скажем правду – объелся. Сил не хватило даже посуду помыть, хотя обычно этим в доме занимался он. Ничто так не способствует ясности мыслей, как полотенце, губка и средство «Фэйри».

Аня, как водится, поворчала о своей тяжкой доле, о конях, которых то и дело приходится останавливать на скаку, о горящих избах и офисах – но, конечно, смирилась. Наверное, ещё с субботнего вечера она что-то такое почувствовала. Дмитрий, разумеется, ни словом не обмолвился о ночных приключениях, напротив – изобразил бодрость и веселье. Может, слишком уж нарочито вышло.

Утром сходили на литургию, Сашку брать не стали – что-то чадо затемпературило. Пришлось вызванивать тещу Тамару Михайловну. Добрейшая женщина заявила в самую рань, с полными сумками. Вот уже восьмой год ей казалось, что дети недоедают. С недоеданием она боролась героически. Хуже всего приходилось Сашке. Пацану накрепко внушили, что у бабушки большое сердце и потому её никак нельзя огорчать. Добрый Сашка всё понимал и терпел даже манную кашу. За которую, впрочем, выторговал дополнительные конфеты.

На службе Дмитрий искренне пытался внимать песнопениям, но получалось плохо. Мысли разбегались в стороны, как напуганные тараканы. Вернее, в одну конкретную сторону – о ночном происшествии.

Что это всё-таки было? Сон? Такой яркий, детальный? Может, и сон. Наверное, завтра надо осторожненько порасспросить Максима. И если окажется, что не сон...

От такого варианта мурашки бежали по коже. Неужели вот так и сходят с ума? Сперва глюк в троллейбусе, потом – в лесу... Интересно, какой глюк будет следующим? И что же, идти сдаваться врачам?

А если не глюк? Если... действительно? Бесовское наваждение? Ведь бывают же они на самом деле, сколько литературы на сей счёт... сколько рассказов. Только странно – почему это случилось именно с ним? Понятно, когда вот так искушают подвижника-аскета. Плоть истончается, духовное зрение открывается. И понятно, когда такое грозное предостережение даётся отъявленному грешнику. Имеющему, впрочем, некоторые шансы на спасение.

Неужели он столь грешен? Да, конечно, каждый раз, вычитывая молитвы перед причащением, он произносил «от них же первый есмь аз». Но не понимать же буквально? Да, грешен. Да, себялюбив, ленив, раздражителен. Да, сух и чёрств, и мало в нём любви. Да, непозволительно смешлив, падок на развлечения... причём нередко с выпивкой. И похотливые помыслы – знакомые гости... особенно когда Аня не в настроении... что в последнее время участилось... Но разве всего этого джентльменского набора достаточно, чтобы вразумлять его страшными бесовскими видениями?

А что видение бесовское – и ёжику понятно. Экая тварь... И зачем являлась? Ведь не соблазняла, не искушала... Напугать? А толку? Бесы должны действовать тоньше. Во всяком случае, согласно аскетической литературе. Может, гордыню хотели подкачать? Он ведь справился с чудовищем, молитвой отогнал. Тот багровый меч – это ведь наверняка зримое воплощение нетварной Божьей благодати. Наверное, ему полагается испытывать кайф от своей духовной крутости. Раз-два – и победил демона. И правильно победил, уповая на Божью помощь. Значит, продвинул. Можно сказать, свят.

А можно и не говорить. Хорош святой – после всего случившегося попросту забыл поблагодарить Господа! Да и вообще – ну просто смешно это. Где вода и где имение? Дай ему Господь хотя бы попросту прожить жизнь, не впад в тяжкие, однозначно гибельные грехи. Нет уж, тут что-то явно не сходится...

Так ничего он в итоге и не решил. Кроме одного – поскорее забыть субботнюю ночь, вытеснить её из головы чем угодно – проверкой тетрадей, вознёй с Сашкой, обильным ужином, когда уже не до воспоминаний, не до мытья посуды, не до вечернего молитвенного правила. Вот повернуться набок – и тихо уснуть. Без всяких левых сновидений...

– Добрый вечер, Дмитрий Александрович! – послышалось где-то в районе письменного стола. И голос почему-то был знаком. Неприятно знаком.

Подхватившись, Дмитрий вскочил с дивана. Машинально поправил сбившуюся причёску. И в упор уставился на незваного гостя.

– Я же говорил, что мы ещё не раз с вами встретимся, – улыбнулся сидящий в кресле Антон.

Дмитрий, понимая, сколь это глупо, всё-таки уцепился за палец. Без толку – видение не исчезло.

– Вы, Дмитрий Александрович, пожалуйста организм, – понимающе заметил гость. – Синяк ведь останется. Я, кстати, не призрак, можете потрогать.

Трогать незнакомца Дмитрий не стал, вместо этого размашисто перекрестил его.

– Это правильно, – одобрил Антон. – Нечистая сила ведь бежит от животворящего креста, правда? А я вот не бегу. Значит...

– Ничего это не значит! – раздражённо возразил Дмитрий. – Просто у меня, выходит, вера слишком слабая.

– Не берусь судить. Сам я скорее агностик. Но вы, конечно, для гарантии можете и молитвы почитать, и святой водой меня побрызгать. Если вам так спокойнее...

Дмитрий понимал, что самое правильное – не вступая в разговоры, выставить этого так называемого Антона. Только вот получится ли? Физических данных ведь явно не хватит. При условии, конечно, что это – человек. А если всё-таки бес? На которого не действует ни крест, ни Иисусова молитва – Дмитрий всё время мысленно читал её. С демоном нельзя заводить беседу – заболтает ведь любого, охмурит. Господи! Ну почему это свалилось на него, Диму Осокина – простого обывателя, серость во всех отношениях? Что испытание – понятно. Но разве в запасе у Господа мало нормальных, посюсторонних неприятностей?

– Как вы вошли в квартиру, Антон? – спросил он сухо. – Мне что, теперь новую дверь ставить?

– Новую – это дорого, – снова улыбнулся гость. – И незачем. Вошёл я, разумеется, не через дверь. Вернее, через неё, но в Сумраке. В так называемом Сумраке. Вы, между прочим, тоже там побывали – в ночь с пятницы на субботу. Кстати, поздравляю. Сумели войти самостоятельно, подняли тень. Иначе говоря, инициация состоялась.

– А теперь объясните всё с самого начала, – прервал его Дмитрий. – Пока что я ничего не понимаю.

– Ну что ж, – хмыкнул Антон, – попробуем. Хотя если с самого начала – это придётся уж очень издалека... Давайте я лучше краткую суть изложу, а потом можно и подробнее. Вы, если можно, сперва послушайте, а потом уж мечите громы и молнии.

– Ну, валяйте. – Дмитрий почувствовал вдруг, что от сонной одури не осталось и следа. – Только вот...

– Я понял, о чём вы. Ни Анна Владимировна, ни Саша меня не увидят и в шок не впадут. Это очень легко делается, вы скоро тоже научитесь. Так вот, к делу. Внутри человечества есть два вида. Обычные люди, их подавляющее большинство. И есть так называемые Иные – люди, обладающие немислимыми способностями. Телекинез, телепатия, левитация – это семечки. Я бы даже сказал, шелуха от семечек. Разумеется, кто-то из нас посильнее, кто-то послабее. Силу свою Иные берут из Сумрака – это другое состояние мира. Впрочем, вы уже видели. Собственно, от обычного человека Иной отличается только магическими способностями и долголетием. Бывает, что Иной и не подозревает о своих способностях,

живёт как все. Он, как мы говорим, неинициирован. Для того чтобы инициация состоялась, чтобы способности включились, Иной должен войти в Сумрак. От того, в каком душевном состоянии он там окажется, зависит, кем он в итоге станет, Светлым или Тёмным.

Антон замолчал, снял очки и потёр переносицу.

– То есть? – не утерпел Дмитрий.

– Простите, надо было, наверное, с самого начала сказать. Мир основан на противостоянии двух изначальных сил – Света и Тьмы. В Сумраке они слиты воедино, но, оказавшись там впервые, Иной как бы автоматически настраивается либо на то, либо на другое. Иные, принявшие сторону Света, называются Светлыми. А другие, наоборот, Тёмными. Я вот Светлый. И вы, Дмитрий Александрович, тоже. Мы некоторое время наблюдали за вами, готовились инициировать... Но вчера всё получилось само, без нашего участия.

– Занятное кино, – хмыкнул Дмитрий. – А поинтересоваться моим согласием вам в голову не приходило?

– Дмитрий, – мягко произнёс Антон, – я, конечно, понимаю ваше предубеждение. Но поверьте, силком в Сумрак мы никого не тянем. Если бы всё шло как обычно – я пришёл бы к вам, рассказал об Иных, предложил сделать выбор. Вы бы, очевидно, выставили меня за дверь. И всё. Утечки информации мы не боимся – кто же захочет выглядеть психом? А если и захочет – мало, что ли, в мире всякой оккультной чепухи? Одним бредом больше, одним меньше – кто заметит? Возможно, получив отказ, я спустя какое-то время наведалься бы снова. Вдруг передумаете? Ещё раз повторю – нас очень мало, и каждый человек нам дорог. В смысле каждый Иной, – поправился он. – Кстати, иногда потенциальные Иные и отказываются от инициации. Свобода выбора, ничего не напишешь...

– И теперь вы, наверное, расскажете о великой битве между Светом и Тьмой, о том, что труба зовёт и всё такое? – зевнув, предположил Дмитрий. – Если вы не в курсе, была такая религия – зороастризм. Один в один как вы излагаете.

– Видите ли, – усмехнулся Антон, – всё несколько не так. Великие битвы действительно гремели... и давно уже отгремели. Сейчас мы не стремимся извести под корень Тёмных, да и они нас. Уже несколько столетий между нами действует Договор. Мы отказываемся от войны на уничтожение, мы соблюдаем равновесие. Это значит, что мы добровольно ограничиваем применение своих способностей. Если мы воспользуемся магией, чтобы, скажем, спасти город от наводнения, то и они получают право на адекватные меры. Допустим, устроить в спасённом городе пожар. Исцелить безнадежно больного ребёнка – значит позволить им навести смертельную порчу на здорового человека. Противно, да?

– Ещё как! – с чувством произнёс Дмитрий.

– Вот и мне тоже. А что прикажете делать? Силы у нас примерно равны, и если мы начнём истреблять их – они начнут истреблять нас. Только вот и мы, и они живём с обычными людьми на одной и той же планете. И потому наши войны больше всего бьют по мирному населению. Всё это уже было. Знали бы вы, сколько величайших бедствий в истории имели подоплёкой наши Иные разборки! Впрочем, и узнаете, если захотите. Так вот, Договор – это наилучший выход. Из реальных, а не утопических. Для соблюдения Договора существуют специальные организации. У нас, Светлых, – так называемый Ночной Дозор. Ночной – потому что следим за Тёмными, а так уж повелось, что те ассоциируются с ночью. А у них есть Дневной Дозор, они наблюдают за нами. Наконец, есть и третья сторона, Инквизиция.

– Что, у вас тоже ересей хватает? – прищурился Дмитрий. – Ну и как? Костры горят горючие? С дровами нет проблем?

Антон рассмеялся.

– Преувеличиваете. Она всего лишь аналог арбитражного суда. А что название такое... Шеф говорил, это один средневековый остряк придумал. Из Высших магов. Между прочим, Тёмный. Туда ведь идут и Светлые, и Тёмные. Но став инквизиторами, они теряют свой цвет

и служат только соблюдению Договора. Обеспечивают объективность и беспристрастность обеих сторон. Система, мягко скажем, не безупречная, но вполне работающая.

– Антон, – грустно сказал Дмитрий, – раз вы наблюдали за мной, то, наверное, какие-то выводы уже сделали? Не догадываетесь, что я на всю эту бредятину отвечаю? Правильно. Я православный христианин, и то, что вы тут наговорили – это, простите, полная чушь. Несовместимая с христианством ни вот на столько. – Он отмерил на ногте нечто микроскопическое.

– Вы зря делаете поспешные выводы, – возразил Антон. – Среди нас есть и вполне верующие люди. Даже, представьте себе, и среди Тёмных. Поймите, мы ведь не ангелы и не бесы. Мы – Иные. Источник нашей силы – не Бог и не сатана. А просто Сумрак. Просто некое состояние мира. Если хотите – природа. Электричество же не мешает вашей вере? Хотя пятьсот лет назад вот это, – ткнул он пальцем в компьютерный монитор, – непременно сочли бы штукой бесовской.

– Кое-кто и сейчас так считает, – смущённо признался Дмитрий.

– Ну вот видите! Поймите, большинство из нас не верит в Бога, но если Он всё-таки есть, то для Него и мы, и Тёмные – всего лишь люди. Имеющие тело, имеющие душу, живущие долго, но не вечно. И наша магия – это вовсе не то, что у вас под этим словом понимают. Дмитрий, ведь вас, по сути, смущает лишь термин, вернее, смысл, который вы к нему привязали.

– Неубедительно, – хмыкнул Дмитрий. – Могли бы и потоньше ересь изобрести.

– Ну, уж как есть, – пожал плечами Антон. – Вы хоть понимаете, что я при желании мог бы внушить вам стопроцентное доверие ко всему сказанному? Вы же, хоть и Иной, но практически ничего ещё не умеете, вы бы не защитились. Но мы так никогда не поступаем. Я не стану врать, будто мы, Светлые, – воплощение добродетели и ходим в белых ризах. Но всё-таки элементарная порядочность всем нам свойственна. Вот Тёмный, особенно если с опытом, заморочил бы вам голову, и ему бы вы поверили. Никакие кресты с молитвами не помогли бы, уж извините. Гипноз – это, конечно, грубое подобие, но аналогию просекаете?

– Ровно с тем же успехом я могу предположить, что и вы хотели заморочить мне голову своим супергипнозом. Только вот не смогли – Господь не попустил. Именно из-за молитвы и крестного знамения. И чем эта версия хуже?

– Ничем, – легко согласился Антон. – Вы бы ещё солипсизм вспомнили. Штука вообще не прошибаемая средствами логики. А толку? Так можно препираться бесконечно. Давайте всё же от философии перейдём к практике.

– А что у нас на практике? – поинтересовался Дмитрий. Он по-прежнему не верил своему странному гостю, но лучше уж сразу узнать об его планах. Легче потом сопротивляться.

– А на практике получилось так, что вы, Дмитрий Александрович, самостоятельно прошли инициацию и стали одним из нас. Стали Иным. Светлым Иным. И как бы вы сами к этому ни относились, но объективно это накладывает на вас определённые обязательства.

– И каким же демонам потребуеете поклониться? – нехорошо усмехнулся Дмитрий. Вот сейчас и наступит момент истины. Теоретические оккультные построения лишь маскируют практику. Антон мог наплести что угодно, но нужно-то ему нечто конкретное.

– Не паясничайте, – поморщился Антон. – Вы, уж извините, опустились сейчас ниже своего уровня. Теперь что касается дела. Любой Иной, проживающий в определённой местности, обязан иметь регистрацию в региональном Дозоре. Значит, вы должны получить московскую регистрацию.

– Штамп в паспорте не годится?

– Не годится. Регистрация наносится магическим путём, встраивается в вашу ауру. Любой сотрудник Дозора считывает из неё информацию. Я, как сотрудник московского Ночного Дозора, могу произвести регистрацию прямо сейчас. А можете съездить к нам в офис и

зарегистрироваться там. Далее, вы не должны пользоваться вашими новыми способностями по отношению к обычным людям. Не исцелять, не привораживать, не внушать мысли... ну и так далее. И наконец, третье. Вы только-только стали Иным. Вы ещё ничего, по сути, не умеете. Вы даже не способны отличить Иного от обычного человека. Значит, необходимо учиться. Это обязательно. Иначе... помните песенку о волшебнике-недоучке? Обучение тоже у нас в офисе проходит и занимает не менее года.

– Исключено! – Дмитрий сейчас говорил мягко, но эта мягкость была хорошо знакома его ученикам, доигравшимся до четвертных двоек. – Никакого магического воздействия. В христианстве на это – абсолютный запрет. То же касается и обучения магии. А вот второй пункт я вам обеспечу. Мне эти способности и даром не нужны, и применять их я вообще не собираюсь. Ни при каких обстоятельствах. Даю слово.

– Придётся вас огорчить. – Антон скопировал ту же металлическую мягкость. – Вашего слова совершенно недостаточно. Детский сад, ей-богу! Представьте, что вы в милиции просите поверить вам на слово. Поймите, вы обязаны пройти и регистрацию, и обучение. Лично я вам почему-то доверяю, но решаю не я. Есть Договор. Согласно Договору, все Иные должны иметь регистрацию. Независимо от их желания.

– Скажите, – задумчиво протянул Дмитрий, – а нельзя как-нибудь того... просто заблокировать эти мои «иные» способности? Вернуть меня в прежнее состояние?

– В прежнее состояние – никак, – сообщил Антон. – Это всё равно что затолкать новорождённого в утробу матери. Раз уж вы инициировались – то быть вам Иным, и никуда не денешься. А заблокировать способности можно. Но только по приговору суда Инквизиции, и опять же путём магического воздействия. Чему вы столь яростно противитесь. Получается замкнутый круг. А кроме того... Вспомните ту ночь... И подумайте, что бы случилось, будь вы простым человеком. Сколько там детей было? Сорок с чем-то? Подумайте, так ли уж вам не нужна магия?

– Что там было-то хоть, в лесу? – мрачно спросил Дмитрий. – Вы же небось наблюдали?

– Представьте себе, нет. – Антон неожиданно смутился. – Прошляпили мы, и крупно. Вернее, я прошляпил. Я же считаюсь вашим куратором... и действительно, надо было с момента первого разговора следить непрерывно. А я пустил на самотёк. Дал, что называется, dozреть клиенту. Короче, для нас всё случившееся тоже было неожиданностью. От шефа я уже комплименты получил.

– Кто там был-то хоть?

– Оборотень. Тёмный Иной. Зарегистрированный. Всё легально.

– Это что же, – поперхнулся Дмитрий, – если бы он детей задрал, тоже всё легально было? Это и есть ваш Договор в действии?

– Так он же и не задрал. Утверждает, что просто погулять вышел. Это не запрещено. Более того, оборотню в полнолуние просто необходимо принять «второй облик». Иначе может тяжело заболеть. Другой вопрос, чтобы не тронул никого. И вот тут – полная неизвестность. Может, он правду говорит и просто побегал бы по лесу. А может, звериное начало и вызрало бы, и тогда действительно... парой детишек стало бы меньше. Как тут проверить?

– Ну а случилось-то что? – Дмитрию действительно стало интересно.

– Вы его увидели, навоображали ужасов – и чисто интуитивно, на волне эмоционального накала, вошли в Сумрак. А там сразились с ним. Должен сказать, перспективы у вас очень хорошие. Для первого раза просто потрясающие. Короче говоря, вы его сильно повредили. Не убили, к счастью, но в норму он ещё очень не скоро придёт. Теперь Тёмные возмущаются, кричат о незаконном нападении и требуют сатисфакции. То есть права на равное по силе воздействие. Понимаете, какую кашу заварили по незнанию? Теперь дело будет разбираться в Инквизиции. Формальная зацепка у нас есть – инициация совпала с происше-

ствием, и можно доказать, что на тот момент Ночной Дозор за вас ещё не отвечал. Скорее всего, докажем. Но это хороший пример. Учиться надо, Дмитрий Александрович.

– И что же надо было делать?

– Элементарно, – разъяснил Антон. – Иной считал бы из ауры его персональные данные. Поинтересовался бы целями. После чего оборотню действительно оставалось бы только прыгать при луне. Зачем ему свидетели преступления?

– Что за зверь-то хоть?

– О! – воздел палец Антон. – Редкий случай. Давно вымершая тварь. Гигантская гиена. Водилась в северной Африке несколько тысячелетий назад. Чаще всего оборотни – это волки, медведи. Реже – кошачьи. Иногда и ящеры попадают. Вам повезло, что оборотень был неопытным. Совсем молодой, инициирован год назад.

– А те мужики, что у костра сидели?

– Тоже Тёмные. Старшие товарищи. Кстати, они бы, наверное, и остановили парнишку, вздумай он полакомиться человечинкой. Зачем им в нарушение влипать? Тёмные, конечно, гуляют сами по себе, но при разборе эти бы под раздачу угодили. Да они и так от начальства своего огребут. Что прозевали ваше появление. Увлеклись «активным отдыхом». Ладно, это лирика, давайте к делу. Начинаем процедуру регистрации?

– Я же сказал – исключено, – бесцветным голосом возразил Дмитрий. – Мне нечего добавить к сказанному. И для меня нет особой разницы, кто вы – бес, колдун, разработчик психотронного оружия или ещё какой фрукт. Главное – мы с вами по разные стороны.

– Это с Тёмными мы по разные стороны, – напомнил Антон. – А с вами мы в одной лодке. Мы – Светлые.

– Евангелие читали? «Кто не со Мною, тот против Меня». – Дмитрий старался подавить нахлынувшее раздражение, но получалось не очень. – Вы с Церковью несовместимы. Значит, и для меня вы чужие. И что теперь? Расстреляете?

– Тёмные, пожалуй бы, и расстреляли, – пожевал губами Антон. – А мы так не можем. Нетривиальная ситуация. Вот что, Дмитрий Александрович, давайте на сегодня закругляться. Думайте. Но от души советую вам не затягивать с решением. Договорились? Ну тогда счастливо.

И он исчез. Мгновенно. Был – и вот стул хранит отпечаток его зада. Даже не «яко дым», а «чик – и готово».

– Господи! – с чувством произнёс Дмитрий. – Пускай уж лучше это будет шиза!

5

Народу в храме было всего ничего. Несколько обременённых свободным временем старушек, пара-тройка закутанных до глаз в тёмные платки женщин, стайка молоденьких девчонок на клиросе. Ясное дело, понедельник, да и никакого особого праздника. Но литургия служится по уставу, ровно в семь утра отворяются Царские врата, раздаётся зычный голос священника: «Слава святей, единосущной и нераздельной Троице».

Только вот сегодня голос был другой – негромкий тенорок. Отец Николай, по словам тётки у свечного ящика, опять заболел, и вместо него служит отец Георгий.

Дмитрий расстроился. Он-то рассчитывал исповедаться духовнику. И вот на тебе – ухмылка судьбы. Или наоборот, Господня воля? В конце концов, самое главное сейчас – это исповедаться, а значит, годится любой батюшка. Он же только свидетель... Но вот поймёт ли его отец Георгий, священник хоть и давно здесь служащий, но малознакомый? Честно сказать, не производил отец Георгий особого впечатления.

Дмитрию повезло – в понедельник у него были только четвёртый и пятый уроки, времени хватало. Аня, конечно, удивилась, чего он вскочил в такую рань. Пришлось ответить честно – в храм надо, очень тянет. К счастью, кроткая Аня не стала устраивать ему допроса. Недостатков у неё, вообще-то, немало, но достоинства всё-таки перевешивают. К числу достоинств относилась и деликатность. Единственное, чем она поинтересовалась – это готовить ли завтрак?

– Ни в коем случае, солнышко, – воспротивился Дмитрий. – Причаститься хочу. Понимаешь, надо.

– Ты почти всю ночь не спал, – глядя в сторону, заметила Аня. – Сопел мне в ухо, брыкался... Не заболел ли?

Он действительно ворочался всю ночь с боку на бок. После вечернего разговора уснуть было просто невозможно. Вздаламученные мысли не удавалось успокоить ни молитвой, ни переучётом слонов. Казалось, так легко внушить себе: всё это лишь бесовское наваждение! Всё это лишь привиделось в «тонком сне». Но грызли сомнения. Выползали из тёмных закоулков мозга юркие червячки и грызли – упорно, деловито. Хуже чем зубная боль.

Дмитрий заблаговременно приехал в храм минут за пятнадцать до начала службы. Рассвет уже растекался по улицам, пока ещё пустым. Через час, не раньше, они заполнятся спешащими на работу гражданами. А в этот час – полное ощущение, будто людей на Земле больше нет. Если кто и остался – так это загадочные Иные. Отдельные представители которых спешат исповедаться и причаститься. Он тут же задавил сомнительную шутку молитвой. Не хватало ещё всерьёз поверить в этот бред!

В храме он успел перехватить отца Георгия, когда тот за пять минут до начала литургии вышел из алтаря.

– Батюшка, – взволнованно заговорил Дмитрий, – мне срочно надо исповедаться. Я попал в очень странную историю... а духовник мой, отец Николай, как на грех, болен.

– Только если очень коротко, – перебил его священник. – Мне ж служить надо.

– Я боюсь, что очень коротко не получится, – смутился Дмитрий. – Тут многое надо рассказать. И это будет непростой разговор. Во всяком случае, для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.